
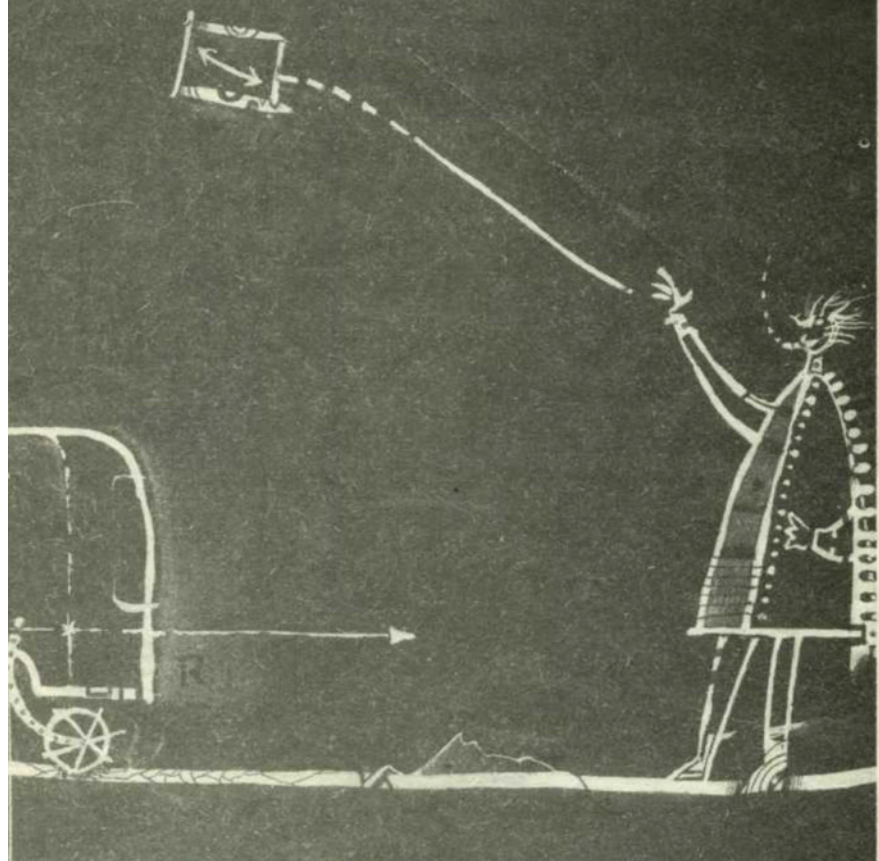

84/2 POC = POC/6
к А 22

180

АВТОБУС

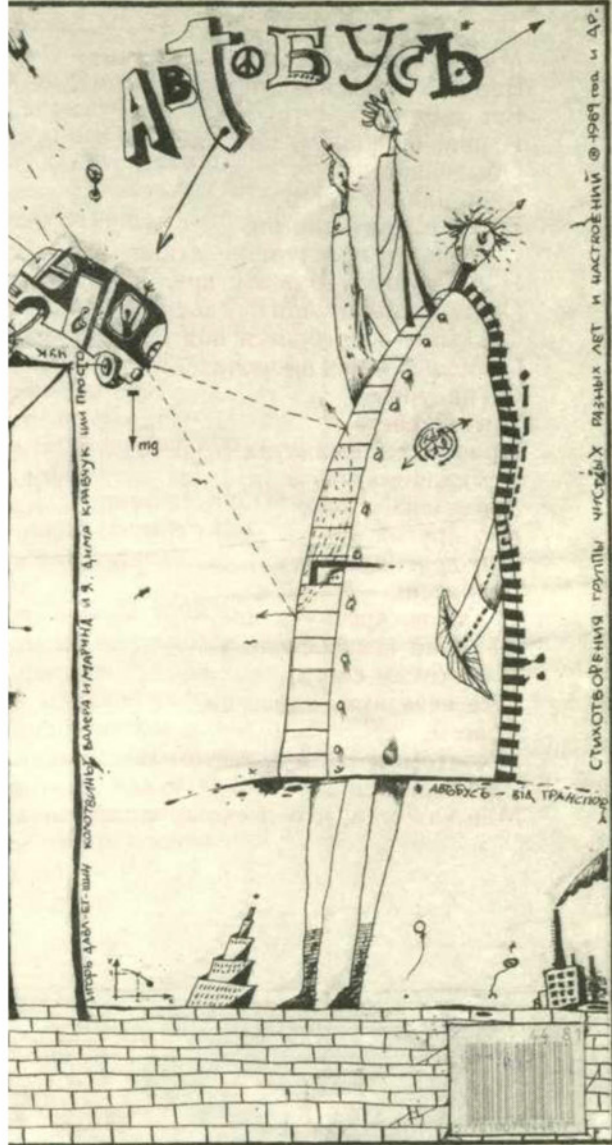

8/11

ОТДЕЛ
КНИГОХРАНЕНИЯ

Хр-1

Централизованная
 библиотечная система
 г. Новокузнецк
 № 5/14

Мне кажется, что я схожу с ума:
Все движется вокруг меня,
Все дышит
И рвет сплошную паутину
Обыденности.
Снег плавит ветер,
Ветер плавит листья,
С деревьев облетевшие давно,
И надо мной деревья кружат,
О детях облетевших голосят.
Стальное небо бьется под ногами.
Стальные окна пророчат
О грядущем
Потоке света,
Пророчат о планетах и крестах,
О миллионах душ
Забывших о себе
И о других,
И о других других.
Воскресни —
И дай воскреснуть мне,
Нам дай воскреснуть
И в потоке света
Уже исчезнуть навсегда,
Совсем.
И светом стать и в свете
Раствориться.
Мне кажется, что я схожу с ума.

Я художник опавших листьев
Я скрипач засыпающих улиц
Я вывешиваю свои иконы в чужих борделях
Я пускаю по венам весенний воздух
Ты не можешь впитать в себя мои пальцы
Мои влажные пальцы,
оставляющие след
на твоих черных глазах
Ты пытаешься проникнуть в мои мысли
методом животного совокупленья
и не можешь меня понять
когда я строю башню
из табачного дыма.
Ты пытаешься раствориться
в моем дыханье,
Но я художник опавших листьев,
Я скрипач засыпающих улиц
и пусть даже в борделе,
но там, есть!
иконы написанные с тебя,
хотя я и сам не могу объяснить,
зачем для фигуры Марии
я беру твоё млечное тело,
но я стал художником опавших листьев,
я стал скрипачом засыпающих улиц,
лишь после того, как я увидел
уже засыхающий шрам,
оставшийся от прикосновения
соленых от влаги губ.

Грязные леденцы домов в холодном сахаре снега
И небо, застиранное до дыр:
Натюрморт города — диковинное сочетание,
Странный художник и чудовищный пир.
Здесь гости мы и начинка мы же,
По разрезам улиц топчемся сослепу.
Здесь теряемся, здесь же порой находимся,
Здесь рожаем и здесь же сживаем со свету.
Жизнь и смерть здесь тщательно перемешаны,
Непонятно, что здесь и где, —
Мой любимый город, моя горькая чаша
На загаженном пиршественном столе.

Мы росли среди рифов улиц,
Омываемых приливами пыли.
Мы росли - в каменных губках
Наших жилищ,
Боясь высунуть наружу
Единственную ногу.
Город-остров возвышался
Над нами
Глыбой весомых снов.
Наши маленькие катастрофы
Взрывали наши сердца
Вспышками сверхновых,
И поэзия молча входила
В опустошенные души
Осколками первозданности.
Здесь среди причудливых
Наслоений и наростов,
Среди чудовищ и чудес
Большого барьерного бурга
Нас впервые посетила
Шалость купанья,
И мы выкупались на
Славу,
Напившись млечного меда Колумбов,
Открывших старый колодец,
Старый колодец, питающийся
От сердца Земли.

Драгоценной росой унизаны
Зеленые пальцы трав.
И воздух дрожит от предчувствия
Жаркого полдня.

На пиршество света

Дети лета

Несут свои ясные лики

Сегодня.

Сегодня, как и вчера.

И с утра

Паутиной размечены

Тайные чистые тропы,

И напоены мысли

Приветствием утренних птиц,

И молочные реки тумана

Рождают сегодня цвет

В подарок властителю Лету

И падают ниц,

Под ноги пришедшему дню.

И рождается новый звук

В колебанье воздушных струй,

В колебанье воздушных струй,

Что дрожат

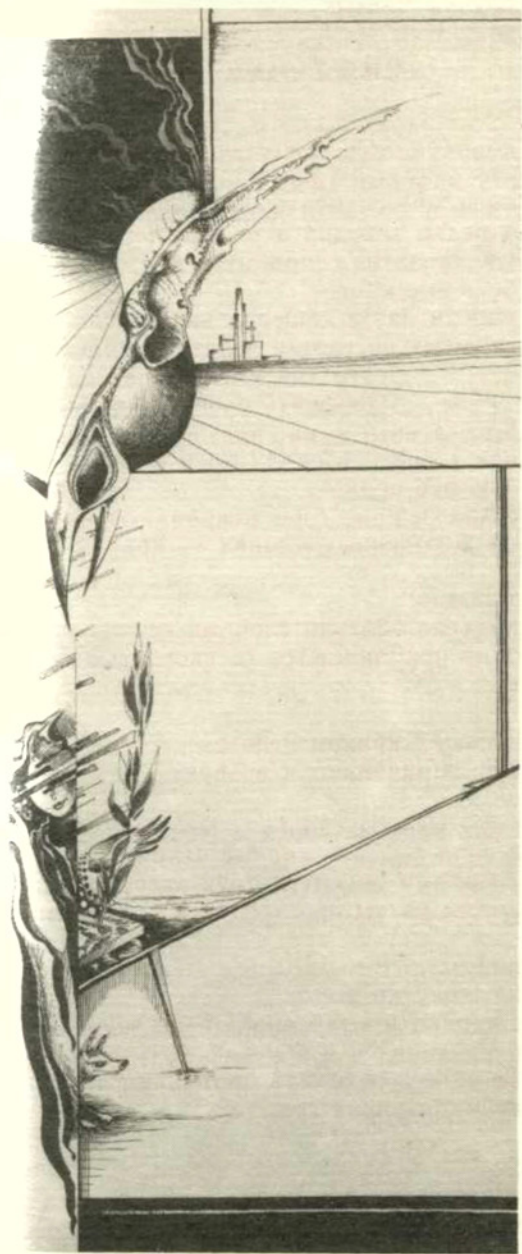
От легкого поцелуя

Капризного ветра,

И мелодия жаркого лета

Плывет

Над сонной землей...

ОП 10346 НПК Зак. 11257, тир. 1000

«ЧИП ТРИК»

Давлетшину другу и человеку

колибри под тяжестью туч спускаются вниз по течению нектара
 это дешевый трюк для любви без денег
 куда мне спрятать мои лица
 я редко заходил в те деревья где жили они
 где глаза из глины и устриц
 бешеные кошки
 видели нас в пещерах на колесах
 зарытых по глотку в разбавленный медом грунт ночи
 это так смешно слышать чьи-то слова в кронах травы
 слышать слова в короне Кама-сутры
 отравленные камни вонзаются в спину того, кто хотел слишком много
 они созрели в садах моей головы
 они мне родны словно дым сигарет моего друга
 сумасшедшие горы искривляют небо
 на жертвенных камнях — кривая усмешка крови

холодно
 подъезд облеван словами всяких признаний
 окно приближается со скоростью бегущих ног
 но
 он просыпается

отекий криком и потом
 зубы прилипают к воздуху он плачет
 он слышит

гарь забытых далеких ветров
 с неба падают жирные черви
 смерчами смеются струи иссушенных солнцем дождей
 которыми ты прострелен как фразами нечестных сотрудников
 службы любви

лифты
 — желудки домов
 сжирают и выплевывают нас тысячами — тысячами кусочков глины
 озирающихся в поисках чего-то существенного
 но ничего не найдя протыкают трубопроводы рук спицами
 существующих грез

Три года шел дождь.
 Барабанил по крышам домов,
 По стеклам стучал,
 Моросил на лица
 Мелкой пылью стеклянных причин
 Все, что могло расти —

росло,

Обвивая дома и цепляясь за ноги
 Мокрых прохожих.

А иногда по вечерам
 вместо луны

Вставали огромные капли у горизонта,
 светясь,

И тогда старики говорили, что видят,
 Как там, внутри

розовощеких младенцев небес,
 Плавают рыбы цвета потерянных ласк.

Три года шел дождь.
 Три года кавалеры достойного Ордена Чаш
 Ковали мечи.
 Ковали их молча.
 Лудили щиты.
 Точили.
 Точили.
 Блестели глаза во тьме мастерских,
 И в шорохах мокрого дня
 Скрипели колеса телег,

укрытых рогожей,
 смазанной салом.

Три года прошло
Как некий таинственный час,
Что гонит за стрелкою стрелку
На циферблате дорог,
Как некий обыденный миг,
Что торопит за ложкою ложку
На трапезе бледных детей,
Как некий капризный, но ласковый шелк.

Все прошло,
Прошелестело
и сгнуло прочь.

Светила выстроились в единственный ряд.
Из прелой, из мягкой и рыхлой земли
Вышли навстречу предки,

И каждый узнал свою мать.

Вот как счастье вернулось в дома.
У очагов запело,
Зашелестело маленькое и злое пламя.
Мама!
Мама!
Молчали лица,
Молчали руки,
Звуки стеснялись шагов
Нашедших счастье мужчин.

Но трубы ударили вдруг
Медной поверхностью в самый зенит,
И кончился час,
И кончился миг.
Насыщенный воздух, что всюду проник,
Застыл, как кристалл,
Звеня,
Хранилищем став вечным
вечного мига

Счастливых мужчин.

Смертельно раненное утро
Проснулось сегодня с оранжевым криком
Обернулось желтым днем
И понеслось по асфальтовым плоскостям
Вступая в крепости домов
Уводя пленниц и пленников
По чисто вымытым улицам
Цестрыми колоннами
Прошли они и ушли под гомон грачей
В красный полдень
В бордовый вечер,
И пели где-то далеко
И смеялись

Пленники

Пленницы.

Лишь я, спрятавшись в тайную щель
Между стенами книг
Переждал наступление праздника
Стихло все
Годы прошли
Тишина словно пыль осела на мои руки.

Проваливаясь в свое строение в зеркале
Чувствуя, как бьется камнями мысль...
Слова, подобно огню,
вырываются в лидеры и наотмашь бьют.
И друг,
Вышедший всего на минуту, проваливается в Вечность,
поднимая меч древней усталости мести,
а слова продолжают бесчинствовать,
Шаги, как-то сплетаются в похоронные песни.
Звон бокалов, как выстрел,
Дыханье погребов, как эфир.
Черно-красная книга заслоняет лицо
А слова бьют,
А время,
как шоколад, медленный и горячий.
Не гасите свечу —
Весь свет погрузится в темь.
Вибрация пог
как перед важным стартом,
перед каждым воспоминаньем вглубь.
Огромные бюсты нависают на голову,
болото площадных булыжников,
засасывает отбрыкивающийся мозг.
В бассейне с гвоздиками
легче всего умереть
для толпы смазливых коллекционеров автографов
глазами Хеопса взирающих на гибель Поэта,
задохнувшегося в бездушии нашего кислорода —
от прослушивания слишком сбивчиво вещающих голосов

Дождь закипает в твоих глазах
 Дождью — чудо жаркой весны
 Чудо пустыни полдня
 Надежда нижнего рая
 Надежда верхнего ада
 Благословляю тебя тремя крестами
 Тремя кругами
 Всеми серпами мира
 Ночи не надо
 Возьми мою силу
 Возьми мою жизнь
 Не надо ночи

ночи

ночи не надо

Подари нам дождь

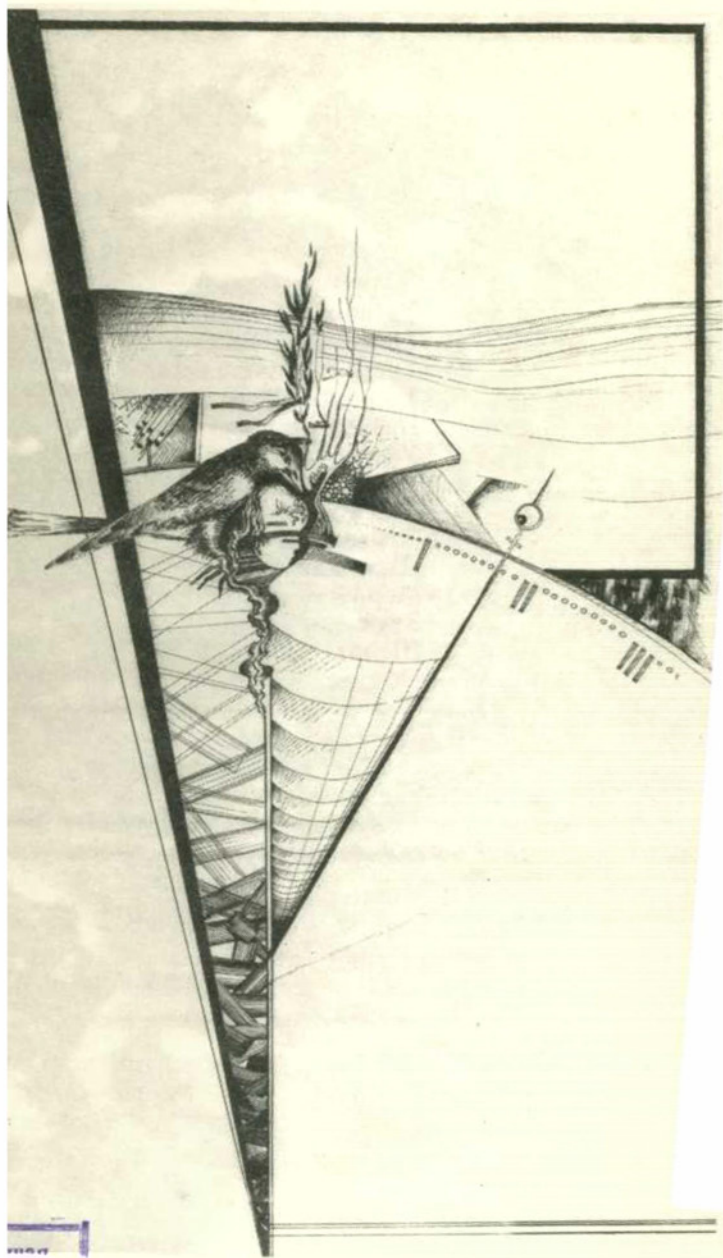
слепящий

дождь

Из нитей света и влаги
 Пусть вырастут деревья и травы
 Пусть уйдет из наших душ
 Окалина пустыни
 И черный ветер
 Заклинаю тебя

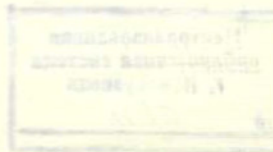
Молю тебя

Возьми мое ничтожное тело
 Сделай жизнь из моей смерти
 Бессмертную бессменную душу мою
 Подари по капле дождем
 Усталой и горькой земле
 Свет! Свет! Свет!

ОП 10349 НПК Зак. 11259, тир. 1000

Тревожный город.
Тревожный рассвет
Тревога в молчаньи.
Тревожный цвет.
Настороженность взгляда.
Упоенье тоски.
Уколы счастья.
Движенья легки.
Замыкание круга.
Дым; как туман.
Мерность покоя.
Звук.
Шепот.
Обман.

ей
уда летит этот снег
тебе ли в постель?
древнеиндийскому богу
складывающему алтарь во славу Луны?
отрицающему день и свет
среди разбитых зеркал
тысячи голов освещенные сиянием Шивы
подобно кирпичам
складывают дорогу в сторону отражения тьмы
он стал бы пророком закрытых дверей
если бы змеи текли струями
бесконечно и плавно

но
лунные нити тянут волосы твоих предков
сквозь могильную память
как камень
тянет в глубины расплавленных снов
стираются священные надписи на твоих подошвах
и это
не что иное как
движение уставших во рту языков
взбивающих в пену слюну
как море стирает берег и скалы
Хей
где написана книга Лесов и Морей
сплетенная корнями

скрипучих деревьев
волос
и слов
в свете рыбных чешуй — блистательный Фараон
в гробницах Египта
иероглифы теней и птиц мерно парят
в сетях твоих глаз
когда ты
кричишь разрывая страницу добычи
захлебываясь радостью солнца
играющего в капельках сока граната

Хей
куда летит этот снег
к тебе ли в постель?
к древнеиндийскому богу
складывающему алтарь во славу Луны?
к отрицающему день и свет
среди разбитых зеркал
тысячи голов освещенные сиянием Шивы
подобно кирпичам
складывают дорогу в сторону отражения тьмы
он стал бы пророком закрытых дверей
если бы змеи текли струями

бесконечно и плавно

но
лунные нити тянут волосы твоих предков
сквозь могильную память
как камень
тянет в глубины расплавленных снов
стираются священные надписи на твоих подошвах
и это

не что иное как
движение уставших во рту языков
взбивающих в пену слюну
как море стирает берег и скалы

Хей
где написана книга Лесов и Морей
сплетенная корнями

скрипучих деревьев
волос
и слов

в свете рыбьих чешуй — блистательный Фараон
в гробницах Египта
нероглифы теней и птиц мерно парят
в сетях твоих глаз
когда ты

кричишь разрывая страницу добычи
захлебываясь радостью солнца
играющего в капельках сока граната

«ОТЗВУКИ»

отзовись отзвуком звучным в звучании звуков
звунуными

звукоталыми

звукоталыми зову

звукоталыми

звукоталыми зониками

крикоталыми

крикоталыми на зов

звукоталыми звучными

звукоталыми

звукоталыми

звукоталыми на отзвукоталыми

и

звукоталыми

— звукоталыми звукоталыми

звукоталыми звукоталыми

— звукоталыми звукоталыми

звукоталыми

звукоталыми

я

звукоталыми звукоталыми

звукоталыми

я

звукоталыми

Пока горит весенняя звезда,
Ищите ветер в шепоте травы,
И, за собой сжигая города,
Храните время утренней совы.

Ищите час, забыв о горе лет
И о ненастном посвисте зимы.
Желайте рая, если ада нет,
Но не ходите в желтые холмы.

Простите нас за нашу доброту
И за огонь, что вовремя погас,
И за железный занавес мечты,
Я Вас прошу, еще простите нас.

Но не ходите в желтые холмы:
Там жар небес сплетается с землей,
Там всюду запах солнечной тюрьмы,
И воздух выпит бешеной волной.

Я Вас прошу, не надо тихих бед,
Не надо тем и ласковых проказ.
Я Вас прошу: вернитесь насовсем,
Живите легче и простите нас.

Пока горит весенняя звезда
И отступает грозный призрак тьмы,—
— Идите вдаль, сжигая города,
Но не ходите в желтые холмы.

Я множусь в свете фонарей
И ухожу в небытие,
И звезды светят все нежней
Сквозь отражение мое.
Рукой ласкаю камень стен,
Стираю пыль дневных шумов,
Листаю в трещинах имен
Страницы каменных томов.
Услужливая память пьет
Тоски и горечи отвар,
И этот мир, и этот мед,
И чых-то слов немой пожар.
Свое собрать не в силах «я»,
Иду с собой наедине,
И мягко светится земля,
Как ночь в зашторенном окне.
Но собираются слова,
 Как облака,
 В живую плоть,
И не поднимется рука
 Ни «причесать»,
 Ни «прополоть».
И я несу полночный дар,
И ног не чувствует земля.
Я молода, я очень стар,
Почти ребенок... Кто же я?..

«СУМАСШЕДШАЯ МАМА»

я знаю сумасшедшую маму в тени неподвижных эвкалиптов подобно себе живет она в одиноком пророчестве времени без претензий на старость. остановка сенсоавтобуса Медхауз с ядовитым шипением зеленых испарений вскрываются двери при помощи тупого лезвия желаний выпуская наружу нечаянное трепетание наших тел под грузом чемоданных мыслей оттягивающих наши руки до уровня первостадии человекообразия. дорога каменно-окрашенная г-м Некрасовым не краской а здоровым полубредом — единственное место наступления нашего отряда по пути проецирования взглядов к глазам сумасшедшей мамы которая постоянно генерирует лопотание сказок и малоизвестных слов «АО» говорит она это значит что нами не потерян последний шанс вернуться в автобус и проехать еще не одну милю до суперстанции Ля Морт швейцаром там сеньор Сальвадор а я не редкий гость был до того как не встретился с излучением сумасшедшей мамы с тех пор и я и мои друзья-соотрядники не берем билеты на обратный путь.

Яичницы печальный взгляд
Красноречивей взглядов ваших
О нашей жизни говорит.
Свеча горит.

И не стораает.
В ладонях наших лед не тает,
Не стынут угли.

И окно
Своей открытостью не манит
Усталых путников.

Зато
Давно уже убрали стены,
Не гасит звезды потолок,
И слов поток несет прохладу,
Как ветерок

У наших ног.
Не запасайте время впрок!
Кто дал зарок идти —

Идет,
Кто жив — живет,
Кто мертв — не тужит,
И с ночью день

Как прежде
Дружит,

И слава голову не кружит.
Кто дал зарок идти —

Идет...

Остаток нашего времени равен нулю,
нулю, уходящему в прорубь пространства.
Возможность повторной встречи — один шанс из ста,
ведь среди тысяч деревьев — одно лишь мое,
посаженное в теплую землю,
политое безумством стихов,
укрытое ошибкой героя,
спасенное от выстрелов града
стреляющего в нас россыпью льда.

разлетелись и расплылись облетевшие деревья
осень входит в мою душу ветра пенем
зрачки луж и стекол окон смотрят на меня с упреком
я сижу на тротуаре и опавший лист рисую
эти кисти, эти пальцы и обрывки по газонам
серый воздух, стан к югу. — все шнывет перед глазами
проходящий мимо город
он шуршит лакированными галошами
спицы зонтов звенят от соприкосновения
карусель профилей влево и вправо
морозящий мелким телом дождь стучит в моих висках
опоздавший видно к рыбе кот скучающий в песках
Король Осень — красным лесом
Король Осень — ватой в рамах
он идет раскрыв ладони на которых
эти кисти, эти пальцы и обрывки по газонам
серый воздух, стан к югу, меха ключья

«ВЕСНА № 22»

По-весеннему легко и свежо
шуршание бумаги по телу асфальта
я улыбаюсь прохожему держащему свой страх
в закрытых руках
ночью
так странно встретить открытую дверь
сквозь звезды сочится неясная лень
месяц потеет от напряжения
в желании сделать тени деревьев
в желании сделать видимым шепот старого волка
В криках зовущих газ на помощь
и в женственных линиях подчеркнуто сильных
я вижу
удары камень о камень в искрящейся бездне
в раскрываемых как рты птенцов почках
бьется железная сила зеленого
(я видел распятую рыбу — это страшно)
Гудящие глаза ламп выедают словно муравьи
то
что было внутри и внутри того что было
я видел как трое
входили в раскрытый настежь воздух
и дышали в него так
что лед на реке тронулся
и был помещен в лечебницу для буйной воды
а они вытирали руки досуха
и чешуйки одежды слетали с прохожих
словно ржавчина с труб по которым
отпеты давно обедни
и дано заключение о их нестабильности
Черное Белое
стали неразличимы — это мой снег
который
прежде чем был вскипячен одуревшим от счастья
солнцем
был отравлен
и назван белой грязью
Весна — это хорошо

глаза цвета испуганных свечей
зажигают во мне желание вытереть слезы
с печальной плоскости стекла
замерзшего в пепле дождей
сиротящих улицы
пугающих собак отраженным дыханием луж
хотелось бы вспомнить имена
остались одни номера телефонов
в которые нет желания стучаться
извиняясь и плача по прошлым часам
самая большая дыра в моем мире —
— это небо
которая разлетелась ровно настолько
насколько наш мозг мал
и казалось бы это большое свиństwo
но я хочу провалиться именно в эту дыру
и дыша воздухом звезд
упасть на холмы сухих листьев
рассыпанные на дне Вселенной

(спасибо Додо)

гроза в зове вздыхающих богов
я так скучаю по твоим ветвям
растущим как руки сакуры
неожиданно ярко опьяняя меня
блеском цветов электрической песни
волосы сливаясь с моим дыханием
плавно стекают
с обрывов плечей в далекую бездну спины
и я забываю о ножах
воткнутых мне в голову
за многие годы проживания в этом мире
в любом шкафу тот же воздух
что и в моих легких
в морской пене
в крике дельфина
губы твои думают желанием
я помогу тебе в этом

САЗЫКИНУ Д.

здравствуйте Жители Высокой Травы
дышащие запахом забытых стрекоз

здравствуйте Жители Черных Подземелий Полов
тьень разрезает свет на сотню частей из стекла

того кто был

зеркальный скрежет отраженных лиц

впивается в горло забытых имен

здравствуй бродяга пьяно бредущий в косах Луны

листья купаются в струях поющих ветров

того кто был

по

рыбы зовут кандалным пересвистом зрачков

в стеклянное небо врезаются струи вина

ступени ведущие вниз приводят к воде

купальщиц упавших светил

к мокрой траве

того кто был

расскажи мне о том

что ты видел у него в этих снегах

дыхание весел среди груди волн

чертит теням

в чернильнице моря стая ветров

в пасти сжимает чаек и рифы

среди простуженных скал скользящих взглядами в воду

приветствуйте тех

кто покинул закрыв на засов струн огней

Четвертая Тень Говорящих что время пришло

из тысячи слов

Время Сражений Корней —

Время Великого Эна — жителя Песочных Слез

куда опрокинуты скандальные тюрьмы зубов
оставляющих след?

того кто был

зеленым зверем на восточной стороне всех стен

...я увидел туннель,
своды которого,
держались лишь сцеплением рук.
Только через бинокль дождя
я смог разглядеть вишневую свечку —
В финале этой распрямившейся спирали,
Вытянутой до радуги
С бензиновым запахом
полыхающего дома,
окна которого
лишь минуту назад бросались теплом.
Обычный закат
за грязным стеклом.
...все небо покрыто письменами египтян,
сочинявших стихи,
для написания в пирамидах чужих богов.
Верноподданнический
вздых озверевшей толпы,
вознесенного на кресте
Хочешь, я подарю тебе
свою карму,
написанную в Книгах Желтых Времен,
Времени Распустившегося Алоэ
и Времени Багрового Водопада.

Мы бросаем следы
На холодный асфальт,
На крупинках слюды
Стынет блеск наших глаз.
Пробил час.
Пробил наш час.

В прозе наших стихов
Рокот призрачных волн,
На пустынном песке
Отпечатан наш стон,
Голубые плоды
На ветвях наших рук.
Но не вдруг.
Ничего не вдруг...

Прорастают дома
Сквозь асфальтовый пласт,
Точен скальпель их стен,
Расчленяющий нас,
Но в ночной тишине
Эхо наших шагов,
Как сплетенные нервы,
На грани веков
Нас срастило сейчас,
В этот час,
Собирающий нас.

Час лезвия бритвы,
Что стало мостом
Из ночи в грядущий день.

Памяти Сергея СТЕПАНО

Он взглядом
 обнял
Рукою поднятой
 поднялся
Прозренье вошло
И всякий сказавший
Сказал — что хотел
Опуская предел в
Запредельность
И всякий ответил
Что мало
 и что уже хватит
Личины о круг
Разбросав
Они веселились
Не зная пощады в забвеньи
Не ведая страха в утрате
Он всех обнимал поднимаясь,
Их лица похожи на лики
Все Они смертны
Не веря в пророчества Сущих

Если ты видишь
Сорок солнц
Миллион подсолнечных дисков
Ласкающих небо
Вспомни о небыти Феба
О нежити ласки
О горечи хлеба
И зеленом волнении зноя
Над початками вечных крушений
Наш крошечный дом
На краю пожелтевшей земли
На холме порывевших камней
Над дорогой последних жнецов
Как мы любим
Тебя поджигать
И тут же гасить
Насладившись оранжевым треском
Твоих волос
Глаз твоих
Отчаянным блеском
Рук твоих
Отчаянным жестом
И нечаянно пролитым текстом
Прозрачным до звезд.

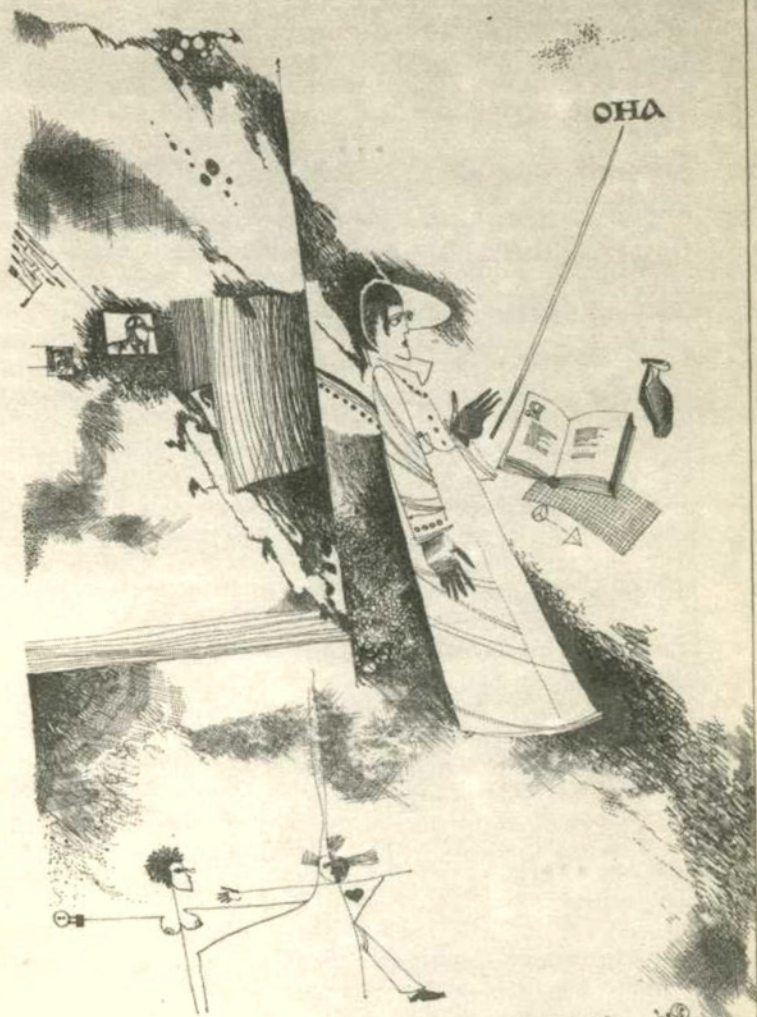
Переливаем из сосуда в сосуд
Время движется;
Белый листок
течет по ряби водяного неба,
Помоги мне оттереть травяной сок
от пощечин крапивы у смолистых деревьев.
Не мешай мне уснуть,
Заглуши хоть немного
Тихий плеск пожелтевшей кроны,
Отведи взглядом рук
Надвигающийся шторм на
Башню Нашего Снега.
Тонкий укус в шептание губ
И развалины города —
поглощены льдом.
Удавка телефонных гудков
Затягивается на горле Музыки.
Дыханье реки
Брызгает дождем в разгоряченное тело.
Год медленно тянется выпаданьем из снов
Круженье Вселенной — безнадежное дело.
Зеркальная спица
Чистого Солнца ударившись о гладь морей
отражается маяком
в глазах заплутавших странников,
продвигающихся от церквей
в монастырь Черной Вдовы Опустевшей Планеты.
Последний мостик
над рухнувшей пропастью
притягивает птиц огромным магнитом
в сети глубин,
в жерло Везувия,
Мертвые Электрички
Захлопнулись,
как крышка банки
с пойманной бабочкой.

Солнце упало,
Разбилось,
Рассыпалось,
Следым зерном
Меж пальцами
Вылилось,
Светлым теплом
Меж ресницами
Вытопилось
И погасло.
И пришла
Ночь...
И летели
Деревья
Прочь,
В темноту,
В пустоту,
В запале теряя листья,
Желто-багряные перья,
Одетые в сумрак,
Оставляли в моих руках,
И свои
Облегченные руки
Тянули вверх,
В недоступную мне
Пока
Высоту,
В чистоту,
В полумрак.
И стояла я просто так,
И чужие одежды
Падали под ноги
Шуршащим ворохом.
Как же так?
Разбежались шальные звери
Моих сновидений,
Теряя цепочки следов,
И эта ночь

Приняла их в свои объятия,
Перекличку их голосов
Вилела в свою тихую песню,
В колыбельную
Для недавно зачатого
Утра...
А деревья
Роняли перья,
Роняли листья,
И стыдливо прятали свои лица,
Уткнувшись
В прохладные
Плечи
Ночи...
Хочешь,
Я свою тебе
Эту песню?
Я успела ее полюбить,
Еще не успев понять,
Как,
Еще не успев обнять,
Слышишь топот
Множества мягких лап
В задышающемся ритме
Сердца.
А еще
Для тебя
Я выучила теперь танец
В ритме спелого солнца,
Опавшего золотом листьев
На наши счастливые лица,
На наши горячие плечи,
На затерянный в вечности вечер,
В вечности этой ночи,
Короткой,
Как самый короткий
Сон...
Был ли он?..

В холодном пламени небес
Сгорает лес,
Зарей объятый,
Распятый на груди земли...
Ты в этот миг не приходи
Сюда на исповедь немую,
Ты эту силу неземную
Испить не сможешь до конца,
Его тернового венца
Поднять не сможешь
И понять,
Не в этот миг рожала мать
Медноголового юнца...
А голос жизни тих и кроток.
Тебе не хватит бусин четок,
Чтобы запомнить тот язык
И унести последний вскрик
В холодный каменный мирок!
Кто тот игрок, что ставит все
На карту уходящих дней,
А, видя лик судьбы своей,
В испуге кутает свой взгляд
В рукав потертого пальто?
А впрочем, это все не то,
И я, быть может, не права,
Но как кружится голова
В холодном зареве небес,
И тихо вздрагивает лес,
Шепча прощальные слова...

OH!

B
11

Осень вернулась в город ветров и столбов
Снова вернулась в город ветров и песка
Темными звонами
Мы расплатились

Сполна, сполна

Темными кронами
Мы прорастаем

До дна, до дна

Ох лихоletье, до мелколесья
Подать рукой
Крепкие братья в ногу идут
С тобой,

Со мной

Крепкие стены, крепкие двери
И кров и стол
Беды и звери
Лапами топчут пол
А на заре прорастает
Сквозь пыль дерево жажды
И дарит нам огненные ветви
И цветы утоленья.
Не вспоминайте об этом дважды
Не берегите в себе сомненья
Капли

И медные наконечники слез.

Осень пришла в поле войны и маслин
Снова пришла в поле войны и небес
Светлые звуки
Носим как

крест, крест

Светлые краски
Выплеснем

в лес, в лес

И пусть скорее вырастет дерево
И пусть звери живут
Там, где им хочется
Только я скажу еще:
Не уходи!

Каждый платит свою меру,
Если меры его хватит,
Если в мере кучка зерен,
Если в землях много пота.

В силах воздуха — услада,
Слабость — светоносность блага,

Все чечетку отбивает и идет к горам Синайским,
только пес сидит и плачет, упивается туманом,
умирает в изобилье — ничего ему не надо.

Озвездившееся небо забросало нас огнями,
пламенит нутро и душу.
Слезы падают в источник.

...пес тихонько умирает, ему снятся Лун тарелки,
сквозь него струится Прана.
Петли движутся к Синаям, замедля огней стремя,
загибая пальцев время,
застывая в вечном беге,
забываясь соком стога.
Все заплатят своей мерой.

Смешайте живую и мертвую воду,
Добавьте для веса тяжелые годы,
Долейте для крепости дружбы немножко,
Любви подмешайте хоть чайную ложку,
Слезой материнской чуть-чуть посолите,
И камень в души не спеша разотрите.
Как пряность добавьте и горе, и счастье,
И узы родства поделите на части,
Добавьте мечты и надежды хоть малость,
И в сердце спрячьте, что все отслоялось.
Осадок обиды и горечи слейте.
Все просто, не так ли?
Ну, что же вы?
Пейте!

«ОДА МОЕМУ ПЛАЩУ»

В карманах моего плаща
Есть все, что мне нужно для жизни:
стартовый пистолет,
обломки любви,
огрызки желаний,
Две копейки, чтобы звонить по почам,
по номерам телефонов,
брошенных в подъезде пьяной рукой.
Воротник моего плаща так высок,
Что я не вижу звезд,
Я не вижу людей.
Подклад моего плаща так тепл,
Что когда я бываю проездом в Антарктиде,
Я сплю на снегу
Рядом с пингвинами.
И я слишком люблю свой плащ,
Чтобы любить кого-то еще.

посв. И. Христу и К. Воннегут

забывается то и забудется это
серые крики странно плывут над холмом
Месяц роняет тихое лето
на дно твоих слов
я так рад
это Бог
слушай дыхание гитары в зове бегущих ногтей
я знаю то что было со мной
и так хотелось бы пить
и так хотелось бы жить
по озеру — розовый плот
это Бог
крылья стерегущие утренний воздух
плач молодых по уставших щенков
зарываются в теплое место под кожей
не зови его
это Бог

Поставь мне, пожалуйста, свечку
из опавших кленовых листьев,
На мою белую скатерть —
пугающую мой взгляд, своим ослепительным светом,
безжизненно свисающим с кромки стола.

Я знала сотни мест,
Где не было меня,
И миллионы лет,
Где мне уже не жить,
Но из своих следов
На перекрестках дней
Я бережно плела
Связующую нить.
Я метила пути
Находок и потерь,
Зализывала боль,
Как недобитый зверь,
И вновь меня несло,
Как атом в пустоте,
И мало проку мне

В чужой живой воде.
Но мертвою водой
Меня осыпал дождь,
Не дав произнести
Последнее «ну что ж...»
Я, словно палый лист,
Лежу теперь у ног,
Не веря, что прожит
Отмеренный мне срок...

Если мои глаза устанут от твоей красоты
Если мой слух устанет от твоих слов
Если мои губы устанут от твоих поцелуев
Что ты мне сможешь предложить взамен?

Мой приятель монах
Был повешен на днях
За греховную связь
За язычную грязь

Был повешен на днях
В монастырском саду
Его светлый позор
Осветляющий взор

Мой приятель монах
Пил вино и кутил
Пил вино и шутил
Балагурил и жил

Был повешен монах
Тонких пальцев венлок
Женщин нежный дружок
Греховодниц дружок

Мой приятель на днях
Оказался в петле
Колокольных шнуров
Колокольных звонов

Мой приятель монах
Жить хотел как умел
Жить умел словно пел
Был повешен на днях

Причины и связи наперечет
Течет похоронный реквием Стикс
Оборванный сфинкс
В лугах за рекою
Водит с собою
Бедную девочку Метэ
Метэ
о, Метэ
Метэ
Метэ
Метэ
И прислушиваясь к последним струнам
Слишком юным и
Неразборчиво лунным
Взбивает ночь
Точь в точь
Непослушная дочь
Этем
о, Этем
Этем
Этем
Этем
Вечер пожара еще за горой
Пой и забудь о машине добра
Клятва, затверженная тобой
Словно железо
Словно кимвала
Словно олива
Славный братец
Тэме
О, Тэме
Тэме
Тэме
Тэме.

В огромной комнате, пустой, как космос
висят картины моих иллюзий,
я слышу шепот давно ушедших,
весь окруженный глубоким рвом.
Я вижу в Ночи — лишь нереальность,
Луна, что светит — чиста, как блюдо,
открывши зонт цветов и неба
я вспоминаю лишь силуэт.
На желтом фоне пустого взгляда,
забившись в стены табачных вздохов,
глухим молчаньем и бронзой кожи,
ты разрезаешь пролет окна.
На крышах блики чужих желаний
На пальцах привкус забытых сказок,
И бедра скованы истомой страсти.
Тусовки с вечностью, кошмары снов.
Два телефона в пустых квартирах,
Надежда сдохнет и обреченность
возьмет за горло щемящим криком.
Соседи слева глотают яд...
На фотографиях налет паденья,
Стирает пламя сухие сучья.
И отзвук счастья ударом тела,
И на асфальте остатки слез.

«ЗВОНАРЬ»

Хвалебной ржавчины затеи

Отодвинь,

Отринь,

Отпусти,

Откинь.

Под ветром корни заматерели.

Трава полынь.

Полынь...

Гуляют гули.

Качни главою,

Остынь.

Остынь...

Прости ушедших, пойми пришедших.

Один. Один...

Шути с луною и пьяным лесом,

Свисти в свирель.

Свирель...

Дождись прихода

И мелким бесом

Уйди в капель.

Зачем?

И над полями колоколами,

Бросая в жар

Всех.

Займись ночами,

Как куличами.

Пожар, пожар.

Смех...

Катись колесным промозглым скрипом

По колеям,

Рвань.

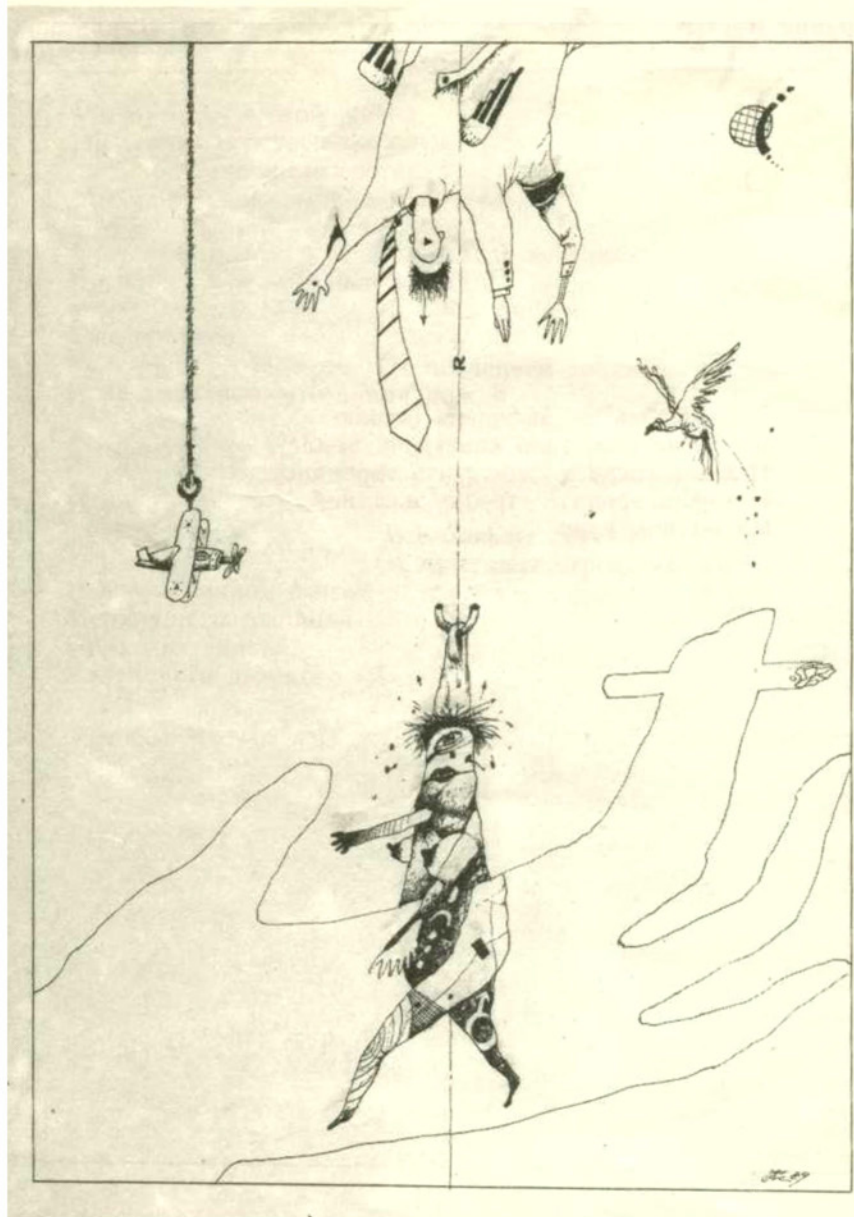
Остывшим хлебом и теплым ликом

Такая рань.

Рань...

Мы путники в этой жизни,
На тризне собственных дней
 Незванные гости.
Мы чашу свою выпиваем до дна,
 До последнего дня,
 До последнего вздоха,
Но плохо, что летопись жизни
 Мы пишем,
Уже опьянев
 От последней капли,
И не замечаем, что капли дождя
 (Или слез?)
Смывают
 Еще не просохшие строки,
И руки
 Все больше синеют
 От пролитых строк...
И в прозрачном потоке
Меркнувшего сознания
Приходит знанье
Уже такого далекого «Я»...

Забравшись на Эйфелеву башню
Я бросил свое тело навстречу Земле.
И лишь тогда я смог стать свободным
И зафиксировать стрелку желаний
На полном нуле.

«Группа Чистых»

1. Бессонов М.
2. Давлетшин И.
3. Колотвин В.
4. Колотвина М.
5. Кравченко А.
6. Кравчук Д.
7. Новиков А.
8. Сасов А.
9. Тумаков О.
10. Удинцева И.

